

Ол Нау

*Непредвиденный
пришелец*

Ол Нау

Непредвиденный пришелец

«Автор»

2026

Нау О.

Непредвиденный пришелец / О. Нау — «Автор», 2026

Россия, начало XIX века. Действие романа разворачивается в роскошном особняке влиятельного генерала на фоне балов, светских интриг и жёстких законов дворянского дома. В день юбилея хозяина происходит цепь событий, которая обнажает тщательно скрываемые семейные тайны. Пока избалованная Элен наслаждается вниманием и развлечениями, в тени парадных залов разворачивается другая жизнь — Анастасии: жизнь полная унижений, страха и бесправия. История сочетает драму, социальное противостояние и атмосферу дворянского быта, показывая, как одна ночь разрушает привычный порядок, а правда — даже скрытая годами — всплывает в одночасье.

© Нау О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Блеск полуденного солнца	5
Глава 2. Ночлег	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Ол Нау

Непредвиденный пришелец

Глава 1. Блеск полуденного солнца

Россия, начало XIX века.

Вторая половина дня дышала негой и торжеством. Яркое солнце, царившее на бесконечном, пронзительно-голубом небе, заливало золотым светом всё вокруг, заставляя мир сверкать, словно драгоценный камень.

Булыжная мостовая, вымощенная идеально подогнанными друг к другу камнями, сияла чистотой. Вдоль дороги, подобно стражу покоя и благополучия, тянулся высокий забор богатого особняка. Ворота и калитка представляли собой произведение кузнечного искусства: чёрные, массивные, они были украшены сложнейшим золотистым узором растительного орнамента. Золотые листья и цветы переплетались, вспыхивая искрами под солнечными лучами, обещая за этими воротами мир, полный чудес.

За ажурной вязью ворот виднелось величественное П-образное здание особняка. Его архитектура, являвшая собой образец классической гармонии, образовывала уютный внутренний двор. Там, в царстве флоры, благоухали клумбы пышных цветов самых нежных пастельных оттенков: пудрово-розовые пионы, небесно-голубые гортензии и кремовые розы источали сладкий аромат. В тени раскидистых деревьев стояли изящные лавки с удобными спинками на витых железных кованых ножках, приглашая к отдыху и романтическим беседам.

По мостовой, мерно постукивая колёсами, проехала роскошная карета и плавно остановилась напротив золочёных ворот особняка. Это была закрытая четырёхколёсная повозка глубокого чёрного цвета. Запряжена она была парой великолепных белых лошадей, чьи гривы были тщательно расчёсаны, а сбруя сверкала серебром.

На козлах восседал кучер, чей вид был безупречен. Он был одет в чёрный однобортный сюртук превосходного кроя с бархатным воротником, подчёркивающим торжественность момента. Под сюртуком белела рубашка, чьи крахмаленные стоячие воротнички с отогнутыми уголками были белее первого снега. Пластрон украшала золотая булавка в виде подковы – символ удачи. Ярким акцентом служила красная жилетка, добавлявшая образу праздничности. Брюки на нём были жокейские – ослепительно белые, обтягивающие крепкие ноги, а в качестве обуви он выбрал высокие сапоги из чёрной кожи, начищенные до такого блеска, что в них можно было смотреться как в зеркало. Голову венчал цилиндр. В руках он уверенно держал длинный хлыст, который, казалось, сам знал, когда быть строгим, а когда – просто частью парадного блеска.

Дверца лакированной коляски открылась, и на мостовую ступил мужчина, являвший собой образец аристократической элегантности. Он был одет в безупречный чёрный фрак, который сидел на нём так, словно был сшит не портным, а самим правилом светского приличия; к нему – чёрные брюки, белый жилет, расшитый шёлком, белый галстук, повязанный с небрежным шиком, и белые перчатки. На ногах его красовались чёрные лаковые туфли. Цилиндр на голове держался с той спокойной уверенностью, какая бывает лишь у людей, привыкших входить в залы под взглядами десятков глаз. Он был худощав, строен, высок, приятной наружности; тонкие черты лица выдавали породу.

Спустившись и выйдя из коляски, он галантно протянул руку внутрь экипажа. Из таинственной глубины кареты ему навстречу появилась рука в белой атласной перчатке – дама, чьё появление было подобно распускающемуся бутону. На ней было лёгкое платье пастельного цвета, летящего кроя, украшенное мириадами пышных рюш, создававших вокруг неё воз-

душное облако. Светлые рукава-фонарики были расшиты бутонами, гармонируя с изящным портбукетом в её руках. Шляпка с широкими полями делала образ особенно выразительным, обрамляя миловидное личико. Декор в виде цветочных элементов по бокам придавал ей невыразимо романтичный вид, а удерживалась она большим атласным бантом, завязанным под подбородком. Шею украшало ожерелье из жемчуга и драгоценных камней, игравших на солнце.

Девушка грациозно вышла из коляски, придерживая светлую небольшую сумочку, расшитую бисером. Ступив на землю, барышня оглянулась на экипаж с лёгкой ностальгией и восторгом:

– Ну вот мы и приехали. Это мой дом. Я здесь живу с папенькой, маменькой и сестрой.

Мужчина учтиво взялся за золочёную ручку кареты и закрыл дверцу с мягким щелчком. Кучер тронул вожжи, и коляска, сверкая лаком, уехала по мостовой вдоль реки, набережная которой была ограждена изящными коваными решётками с массивными каменными столбцами между ними.

Девушка повернулась к своему спутнику, и её глаза сияли предвкушением:

– Ну, а теперь пройдёмте в дом, господин Журбин. Мы приехали на праздник по случаю шестидесятилетия моего папеньки.

В её голове мгновенно всплыл величественный образ отца: полный мужчина в парадном зелёном мундире, пуговицы которого отливали золотом. На плечах – большие погоны, отделанные густой золотой бахромой, свидетельствующей о высоком чине. На нём были белые, идеально выглаженные штаны и высокие чёрные сапоги. Его волосы благородно серебрились сединой, а лицо украшали пышные усы и густые бакенбарды, придававшие ему вид бравого военачальника. На пальцах сверкали несколько крупных золотых колец с рубинами и изумрудами – красными и зелёными камнями, символизировавшими власть и богатство. Этот образ всегда являлся Элен знаком порядка: всё в доме держалось на одном его взгляде, одном движении руки.

Сияние мрамора и золота

Она взяла молодого человека под руку, и они прошли через ворота во внутренний двор – цветущий, праздничный, будто собранный из одних только обещаний счастья. Их путь лежал к П-образному зданию светлого цвета, выстроенному в два этажа. Клумбы шли ровными лентами, аллеи были посыпаны мелким светлым гравием, а окна второго этажа смотрели на гостей блеском стёкол, словно дом тоже наблюдал и радовался. Центральную часть особняка венчал большой круглый купол со шпилем, устремлённым в лазурное небо.

Подходя к зданию, они услышали чарующие звуки музыки: скрипки пели о любви, виолончели вторили им глубоким бархатом. Гул весёлых голосов доносился изнутри, обещая незабываемый вечер. Они поднялись по нескольким широким каменным ступеням и прошли в массивные деревянные двери, распахнутые перед ними вышколенными лакеями, – двери были украшены резьбой.

За ними открывалось великолепие: небольшая белая мраморная лестница вела в холл, поражающий воображение. Паркетный пол был выложен сложным геометрическим узором из древесины светлых и тёмных пород – дуба и красного дерева – и начищен до такого блеска, что в нём отражались огни люстр.

Просторный зал дышал роскошью. Центральная часть холла, ведущая к главной белой мраморной лестнице на второй этаж, была украшена по обеим сторонам стройными белыми колоннами, увенчанными золочёной лепниной. Эти исполины удерживали своды второго этажа. Сверху, вдоль всего прохода между колоннами, ослепительно сияли огромные хрустальные люстры. Тысячи подвесок преломляли свет, создавая эффект сказочного дождя из бриллиантов.

Справа и слева за рядом колонн находились уютные уголки для отдыха: изящные стулья и глубокие кресла с резными золочёными ножками и спинками были обиты дорогим атласом и бархатом королевского пурпура и изумруда. Там дамы в шелках и мужчины во фраках вели светские беседы, наслаждаясь атмосферой. Официанты, словно тени, бесшумно скользили между гостями, разнося на серебряных подносах напитки и искрящееся вино в тончайших хрустальных фужерах.

По правую сторону от центрального входа, за колоннами, через холл, можно было попасть – через две распахнутые настежь двери – в главный бальный зал, откуда, подобно морскому прибою, доносились радостный гомон голосов и торжественная музыка.

Поднявшись по ступеням лестницы, молодые люди увидели перед собой хозяев торжества. Это был тот самый полный седой генерал с бакенбардами и усами, облачённый в зелёный мундир, белые штаны и чёрные сапоги. Мундир сиял золотыми пуговицами и лентами, словно был создан не для службы, а для того, чтобы сегодня, в этот вечер, стать центром великолепия.

Под руку его держала полная женщина, чья величественность могла поспорить с самой императрицей. На ней было шёлковое платье благородного бежевого цвета с богатейшей кружевной отделкой и глубоким декольте, открывавшим молочную кожу. Её высокая сложная причёска из тёмных волос была произведением искусства; из локонов поднималось украшение в виде броши из камней синего, зелёного и красного цветов, увенчанное пышным коричневым пером, колышущимся при любом, даже самом лёгком движении головы. В левой руке, обтянутой белой атласной перчаткой, дама держала белый перламутровый веер, которым периодически грациозно обмахивалась.

Увидев молодых, она расплылась в улыбке:

– Ах, моя дорогая дочурка Элен, как мы тебя заждались! А это тот самый молодой человек, которого ты хотела представить нам как своего жениха?

Журбин, проявив чудеса учтивости, склонился в поклоне:

– Позвольте представиться: Журбин Павел Николаевич, – произнёс он, целуя руку полной даме и приподнимая цилиндр, затем представился мужчине в мундире. – Очень приятно познакомиться с вами в столь торжественный день, по случаю вашего шестидесятилетия. Буду счастлив принять участие в столь грандиозном праздновании.

Юбиляр, чувствуя себя триумфатором, окинул властным взглядом помещение, где собралась нарядные гости. Они общались группами или сидели на стульях, держа в руках хрустальные бокалы с прозрачной желтоватой жидкостью – лучшим шампанским, которое разносили слуги в серых пиджаках с золотыми пуговицами, чёрных брюках и чёрных туфлях, с чёрной бабочкой на накрахмаленной белой рубашке.

Щёки юбиляра раздулись от важности и гордости за свой дом и семью.

– Ну-с, проходите, будем рады видеть вас в нашей тёплой компании и, так сказать, – он слегка дёрнул голову чуть вверх и вправо, глядя на пришедшего мужчину свысока, но благоклонно, – провести незабываемый вечер в кругу достойных людей.

Мужчина чуть поклонился в знак благодарности. Восторженная барышня Элен, глядя с нескрываемой радостью и любовью на своих родителей, крепче взяла под руку молодого человека. Вместе они проследовали вправо от лестницы, пройдя за беломраморные колонны. Проходя мимо слуги с серебряным подносом, кавалер ловко подхватил бокал с игристым вином и, приподняв его, глядя в сияющие – пожирающие его любовью – глаза юной барышни, произнёс:

– За вас.

Он выпил содержимое бокала залпом, наслаждаясь вкусом, и поставил пустой фужер обратно на поднос.

Вихрь бала

Затем, не теряя ни секунды, он подхватил её левую руку и, стоя напротив, увлекая за собой, провёл через высокие двери в танцевальный зал. Там он стал кружить её в танце, присоединившись к другим парам, которые, словно яркие цветы на ветру, кружились под музыку. Оркестр, состоящий из виртуозных музыкантов, сидевших на балконе второго этажа, играл красивые, чарующие мелодии, наполнявшие сердца восторгом.

Бальный зал поражал своей торжественностью и обилием гостей в поистине шикарных нарядах. Стены были украшены позолотой и зеркалами, многократно умножавшими блеск свечей в канделябрах, – казалось, в зале горело целое созвездие.

Дамы в пышных широких платьях из парчи, бархата и шёлка сверкали драгоценностями. Колье на шее, диадемы в высоких сложных причёсках, перья райских птиц и живые цветы в волосах – всё это создавало картину неземной красоты. Женщины кокетливо обмахивались расписными веерами, беседовали с элегантными мужчинами во фраках, сидя на мягких креслах и стульях, или танцевали, отдаваясь ритму оркестра, который слаженно играл самую модную музыку этой эпохи.

Бал был в самом разгаре, когда в дальнем конце зала с мраморной лестницы начала спускаться пожилая чета хозяев праздника, решившая вновь почтить гостей своим вниманием под торжественную музыку.

На балу в честь своего шестидесятилетия генерал, облачённый в великолепную форму, был безусловным центром внимания. Его мундир сверкал от обилия золотых медалей и разноцветных орденских лент, символизировавших неоспоримые заслуги и героизм в службе Отечеству. На плечах красовалась густая золотая бахрома эполетов, мерцавшая в свете сотен свечей люстр. Роскошным акцентом лежала лента-саше, обвивавшая его тело и подчёркивавшая высокий статус. Меч в драгоценных ножнах, носимый на поясе, – символ силы и мужества – напоминал о службе, но в этот вечер скорее олицетворял честь и глубокое уважение, которое генерал вызывал у сослуживцев и многочисленных друзей.

Генерал с гордой осанкой остановился среди гостей на верхней ступени, а светло-синий взгляд, полный достоинства, проникал в сердца собравшихся. Аккуратные седые бакенбарды и усы придавали его облику дополнительную серьёзность и благородство, подчёркивая богатство жизненного опыта.

Супруга, выступавшая рядом, в роскошном бальном платье, переливавшемся оттенками перламутра, с высокой причёской, усыпанной шпильками с драгоценными камнями и украшениями, также являла собой образец великолепия и аристократической претенциозности. Они спускались по широкой белой мраморной лестнице под торжественную музыку и под громкие, искренние аплодисменты всех присутствующих.

Элен, наблюдая эту сцену, пребывала в возбуждении и чистом восторге. Она судорожно схватила под руку своего кавалера, сжимая его локоть, словно говоря всем своим видом: «Вот видишь, вот видишь! Здорово же! Красиво!»

Молодой человек, однако, был настроен более скептически. Он поглядывал на юную восторженную барышню с лёгкой иронией, намереваясь деликатно высвободить руку, но всё же не решался нарушить торжественность момента.

– Послушайте, Элен, Вы мне так руку оторвёте, – наконец осмелился обратиться к ней он, постаравшись мягко освободиться от её цепких пальчиков в атласных перчатках.

Элен тут же отреагировала:

– Ну какой же Вы бука, Павел, – одёрнула она руки. Девушка чуть наклонилась вперёд с притворно недовольным видом, но тут же, словно солнце из-за туч, заулыбалась. – Я Вас

прощаю: Вы мой жених и должны радоваться вместе с нами в этот чудесный день – в день рождения папеньки.

Она снова с обожанием взглянула на спускающихся с триумфом по лестнице родителей. Уже на середине лестницы её отец приветственно махал аплодирующей толпе, сияя, как начищенный пятак. Элен вновь перевела взгляд на худощавого мужчину, держа обеими руками сложенный веер из слоновой кости, и чуть хлопнула им по пышной юбке:

– Ну вот, всё настроение испортили! А я так надеялась, что Вам понравится наш праздник, а Вы даже ни разу не улыбнулись.

Мужчина неловко посмотрел на цветущую, словно майская роза, юную барышню:

– Да будет Вам, – он слегка улыбнулся, и глаза его потеплели. – Я же пошутил. Вашему папеньке шестьдесят, а Вы радуетесь, как дурочка, что он совсем старый стал.

Девушка замерла, комично выпучив большие голубые глаза и глядя на собеседника, который выглядел так, будто насмеялся над всем происходящим священнодействием. Она тут же переменялась в лице, надула губки и, согнув правую руку, подняла сложенный веер, приложив его к левому плечу, как оружие. Топнув ножкой в атласной туфельке, она воскликнула:

– Да что это Вы себе позволяете? Я Вас на праздник пригласила, а Вы тут кислым сморчком настроение людям портите! – недовольно топнув ногой ещё раз, она отвернула хорошенький носик влево, приподняв его с видом оскорблённой королевы. – Так зачем Вы здесь?

Мужчина смотрел на неё уже открыто улыбаясь, видимо, искренне позабавленный её детскими проделками.

Он примирительно поднял руки:

– Да я же пошутил. Что Вы так бурно реагируете? – он лукаво прищурился. – Или я не мил Вам более?

– Мил, конечно же мил, – тут же оттаяла она, хлопнула себя веером по юбке и наклонилась чуть ближе, заглядывая ему в глаза. – Но Вы так себя ведёте, что я и не знаю, что о Вас думать, – она недовольно скрестила руки на груди, вновь повернув носик влево, задрав его и всем видом показывая свою капризную натуру.

Мужчина окончательно расплылся в широкой, обаятельной улыбке:

– Ну раз мил, так потерпите меня таким ещё некоторое время. Я ведь Вам обещал, что стану вашим мужем, как только мои дела пойдут на поправку и я получу разрешение – благословение вашего папеньки и матушки. Мы тут же поженимся.

– Поженимся! – она чуть подпрыгнула от радости и, расставив согнутые в локтях руки, вновь придвинулась, глядя на мужчину в упор, полностью довольная и сияющая улыбкой, словно ангел. – Но за Ваше хамское поведение... – она снова резко сложила руки на груди, задрала носик, отвернула голову влево и нетерпеливо застучала носком правой ноги по паркету.

– Покорнейше благодарю, – Павел наклонился, поцеловал её правую руку и рассмеялся, явно веселясь.

Тени прошлого и свет настоящего

– Хм, так-то получше будет, – всё в той же позе смотрела она свысока. – Ну а теперь пойдёмте снова танцевать.

Она потащила мужчину к танцующим.

– Моя сестра уже скоро придёт, – продолжала она разговор в танце. – Вот увидите, какая она... и как она портит всем настроение, даже мне – такой позитивной! А уж маменьке с папенькой от неё житья нет.

В её воспоминаниях всплыла девушка с тёмными волосами и причёской на прямой пробор из двух косичек; на ней было чёрное платье, поверх – серый сарафан с большими карма-

нами. Невзрачный образ вызывал смущение у престарелой четы, сидевшей в изысканной комнате на бархатных креслах у белого ажурного столика, – образ, который вызывал у Элен лишь досаду.

– Ну вот, я Вам всё и рассказала про мою сестру-замухрышку. Какая же она всё-таки никудышняя! А ведь когда-то мы с ней в детстве были дружны.

Она представила, как две девочки лет пяти играют в светлых платьях. Одна – в шёлковом блестящем платье, со светлыми кудрями из-под розовой шляпки, в белых носочках и розовых туфлях на ремешке с изысканной блестящей застёжкой. Другая – в стареньком ситцевом платье на вырост, с тёмными косичками, в соломенной шляпе с маленькими цветочками, в поношенных чёрно-коричневых туфельках на завязках. Они сидели на лавке во дворе, окружённые цветами.

– Да, когда-то мы с ней были дружны, – с грустью сказала Элен. – Но теперь она такая замухрышка... никакая стала.

Девушка сморщила носик и замолчала.

Потом встряхнулась:

– Ну а Вы-то как любите танцевать?

Павел, отвлечённый своими мыслями, напрягся:

– Ну, я думаю... А зачем нам о таком на празднике говорить?

Он закружил её усерднее. Элен восторженно смеялась:

– Вот так, вот так, давайте веселиться! – щебетала она. – Я хочу, чтобы этот праздник запомнился навсегда нам двоим, и мы помнили о нём до конца дней своих.

Павел больше не отлынивал и целиком растворился в том, чтобы угодить ей.

Завершение торжества

– Фух, – вспотевшая и покрасневшаяся, плюхнулась белокурая красавица в свободное кресло, обмахиваясь веером. – Ну, натанцевалась я.

Она схватила с подноса фужер с искрящейся жидкостью и осушила его залпом, тут же потянувшись за следующим.

Рядом стоял мужчина во фраке, тоже слегка взмокший:

– Ну, теперь-то Ваша душенька довольна, дорогая Элен? – склонившись, будто прислуга, произнёс он.

– Да, всё отлично. Теперь я напрыгалась и натанцевалась.

Праздник подходил к концу. Отец Элен и его жена прощались с гостями. Девушка поставила недопитый бокал на резной столик и подскочила к отцу:

– Ну, папенька, сегодня день удался на славу. Мы с моим женихом, – она бросила взгляд на парня, – потанцевали и повеселились на славу.

Матушка устало вздохнула и промокнула лицо платочком:

– Ну а мы-то как сегодня повеселились да потанцевали... Уморились, сил больше нет праздновать. Пора на покой, а то мы уже старые. В наши-то годы давно отдыхать пора, а мы всё с гостями общаемся да празднуем.

Зал почти опустел.

– Ну вот и нам пора отдыхать, – обратился юбиляр к жениху дочери. – А Вы, если хотите, можете остаться у нас в особняке переночевать. Если вас это не смутит, у нас есть свободная комната.

– Да, благодарю Вас покорнейше, – расшаркивался жених. – Я уж и не думал, что удастся заночевать в вашем доме хотя бы в комнате для прислуги: мне добираться очень далеко, а брички уже все разобрали.

– Да-да-да, – отозвался мужчина в мундире и, взяв жену под руку, направился к мраморной лестнице.

– Ну, так я пойду, – обратился кавалер к барышне.

– Я Вас провожу, – вызвалась Элен. – А то мало ли: заблудитесь, дорогу потеряете, в кустах заночуете, – кокетничала она, подтрунивая.

Парень усмехнулся в усы и положил её руку на свою.

Глава 2. Ночлег

– Ну, пойдёмте, – сказала барышня.

Они шли между невысоких кустов и цветов двора – известным только ей направлением. Ночной воздух пах сладко и свежо, а дорожки казались тонкими лентами, проложенными для шагов счастья. В окнах теплился свет, дрожал, словно дом ещё не хотел отпускать праздник.

Парочка медленно двигалась в темноте, пока не упёрлась в тёмную громоздкую дверь, обитую железом, – она выглядела неуместно сурово и строго на светло-бежевой стене.

– Ну вот мы и пришли, – остановилась барышня, указав веером на дверь. – Теперь Вы войдёте внутрь, и Вам покажут койку – место в одной из комнат.

Мужчина поблагодарил, попрощался с девушкой и посмотрел ей вслед. Затем дёрнул за ручку тяжёлую дверь и вошёл в тёмное помещение. Внутри на деревянном стуле сидела женщина в сером платье, белом чепчике и фартуке.

– Мне сказали, что здесь можно переночевать.

– А, проходите, – сказала женщина, встала и указала рукой налево, по коридору.

Они шли по узкому коридору. Слева тянулась стена с рядом маленьких окошек наверху, справа – деревянные двери. Остановившись перед одной из них, женщина указала на вход. Когда мужчина открыл дверь и вошёл внутрь, она поклонилась и ушла.

Мужчина зажёл свечу и огляделся. Невысокий полукруглый потолок, маленький деревянный столик, шкафчик для одежды и деревянная кровать с серым одеялом. В комнате было два небольших окна-бойницы. Мужчина сел на кровать, распуская галстук, посмотрел в маленькое окошко, затем снял верхнюю одежду, лёг под одеяло и тут же уснул.

Утренний переполох

Рассвет слегка касался золочёными перстами шпилей особняка. Свет, пробиваясь сквозь узкие окна-бойницы, отражался на каменном полу, освещая скромное убранство хозяйственной части дома. Здесь пахло свежестью, лавандой и пчелиным воском.

В одном из коридоров, где стены были выкрашены в белый цвет, разыгралась сцена, нарушившая утреннюю идиллию.

– А-а-а! Вы что творите?! – разбудили мужчину громкие вопли.

Он выглянул из комнаты. Вчерашняя служанка в белом чепчике и сером платье стояла, уперев руки в бока, возле соседней двери. В правой руке у неё была серая тряпка из мешковины, которой она периодически махала, ругаясь на того, кто нарушил утренний покой дома. Женщина нависла над хрупкой фигуркой юной служанки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.